

ИВАН-ДУРАК И ЕГО ГЕКТАРЫ

Сказка о земле и воде

ТУТ ВСЁ
ПО-НАШЕМУ

КАДАСТРОВАЯ
КАРТА

ОСТОРОЖНО,
ЗОЛОТО

КАК ДОЛЕТЕТЬ
ДО САМОГО
ДАЛЬНЕГО ГЕКТАРА

ДИПЛОМАТИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

Сергей Диковинный

Иван-дурак и его гектары

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Иван-дурак и его гектары / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

СКАЗКА О ДЕНЬГАХ, ЗЕМЛЕ И ТЕЛОГРЕЙКЕ КНИГА 2. ИВАН-ДУРАК И ЕГО ГЕКТАРЫ Он выиграл миллиард. Он мог купить всё. Вместо этого он купил дорогу до райцентра и новую крышу для сельского клуба. Потом его позвали в Москву. Потом — в Кремль. Потом он стал народным контролёром и разогнал воров по всей стране. А потом он собрал вещи и вернулся домой. Потому что понял: Мухосранск — это не просто деревня. Это место, где его любят. И где он — настоящий. Сказка для взрослых о том, что деньги не меняют человека. Человек меняет мир.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. После Миллиарда	5
ГЛАВА 2. Покупка	8
ГЛАВА 3. Звонок	11
ГЛАВА 4. Сборы	13
ГЛАВА 5. Поезд	16
ГЛАВА 6. Вертолёт	19
ГЛАВА 7. Полёт	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Диковинный

Иван-дурак и его гектары

ГЛАВА 1. После Миллиарда

Прошло полгода с тех пор, как Иван решил потратить деньги на родной Мухосранск. И надо сказать — получилось неплохо. Дорогу отремонтировали. Не просто залатали ямы, а сделали нормальную, ровную, с разметкой. Иван даже приезжал на край деревни и смотрел на неё с гордостью — как отец на новорождённого.

Школу подлатали: крышу починили, окна поменяли, в спортзал новый инвентарь купили. Марья Ивановна, учительница, плакала от счастья и говорила, что теперь дети будут учиться в нормальных условиях. Иван смущённо отмахивался:

— Да ладно вам, Марья Ивановна. Это же для детей. Дети — наше будущее. Пусть учатся. А я что? Я так, при делах.

Клуб тоже открыли. Первый танец был в субботу. Мужики пришли с жёнами, бабки — с платками, молодёжь — с телефонами. Играл аккордеонист дядя Гриша, который не играл с девяносто восьмого года. Он волновался, но сыграл хорошо. Иван даже станцевал один танец — с тётей Зиной, пока Петрович не подошёл и не отобрал жену.

Но была одна проблема. Деньги не уменьшались.

Иван сидел на крыльце — на том самом месте, где любил сидеть вечерами — и смотрел, как мужики асфальтируют последний кусок дороги. Рядом стоял Василий. Он теперь ходил не в дорогом костюме, а в простой куртке — после всех событий он стал скромнее. Но глаза у него по-прежнему горели. Особенно когда речь заходила о цифрах.

— Ну что, доволен? — спросил Василий, кивая на новую дорогу.

Иван вздохнул:

— Дорога — хорошо. Школа — хорошо. Клуб — вообще красота. А деньги, Василий... — Он покачал головой. — Они не кончаются. Я вчера специально потратил миллион на ерунду. Ну, чтобы хоть немного убавить.

— На какую ерунду? — заинтересовался Василий.

— Да вот, купил новый забор. И сарай перекрыл. И в магазине у тёти Клавы взял все банки с тушёнкой, которые были. Думал — хоть что-то потрачу. А через день — опять пять миллиардов и ещё сверху. Это какая-то чёртова магия. Они как тараканы. Сколько ни трави — они всё равно плодятся.

Василий задумался. Он почёсывал подбородок и смотрел на асфальт, который ровным слоем ложился на дорогу. Потом сказал:

— Слушай, а может, тебе их в землю вложить? Ну, буквально. Купить участок. Земля — она всегда в цене. Это не то что акции — тут хоть что-то реальное будет. Да и убавится немного.

Иван оживился. Землю он любил. Это было то единственное, что он понимал по-настоящему. Не какие-то там бумажки, а земля. Она кормит. Она не обманет. Она — как женщина: если её любить и ухаживать — она ответит добром.

— Земля — это хорошо, — сказал он. — Вот у меня шесть соток — и то счастье. А если большой кусок — может, оно и деньги съест. Пашет пусть. Картошку сажает. Я буду приезжать, проверять. Может, даже жить там буду — если хорошо примет.

Василий достал телефон и начал что-то искать:

— Есть тут одна программа. Дальний Восток. Раздают гектары бесплатно. Но ты же можешь купить — сколько захочешь. Земля там дешёвая. На твои миллиарды можно купить...

— Он замолчал и начал считать в уме. — Ну, очень много гектаров. Можно целую область купить. Или даже две.

Иван кивнул:

— Ну вот и куплю. Только далеко это? Я так понимаю, не в Мухосранске?

Василий посмотрел на карту:

— Далеко. Тысяч за семь километров. Дальний Восток — это не шутки. Но ты же миллиардер. Далеко — не проблема.

Иван вздохнул:

— Вот и проблема. Я в Мухосранске уже сто лет никуда не выезжал. А тут — Дальний Восток. Это же, наверное, там медведи по улицам ходят? И тигры? Я в новостях видел — у них там тигры на дорогу выходят. А я — человек мирный. Я с тиграми не воевал. Только с котом соседским. Но кот — это не тигр. Кот хотя бы мяукает. А тигр — он, наверное, рычит. Или как? Я не знаю.

Василий засмеялся:

— Иван, тигры по улицам не ходят. Ну, почти не ходят. Ладно — бывает. Но они не нападают. Они вообще — красивые животные. Их фотографируют. А ты — человек, который купит землю. Они тебя не тронут.

Иван задумчиво посмотрел вдаль. Потом на Кузю, которая копалась в земле у крыльца. Потом снова на Василия:

— Ладно. Куплю. Может, хоть денег поубавится. А если нет — так хоть земля будет. Земля — она никогда лишняя. Вон у нас Петрович — у него двадцать соток. И он счастливый ходит. Хотя денег у него — ни рубля. А я с пятью миллиардами — хожу как в воду опущенный. Как будто у меня голова болит. Или зуб.

Василий понимающе кивнул. Он уже привык к странной логике Ивана. И даже — о чудо! — начал её понимать. Деньги — это не самоцель. Земля — это дом. А дом — это место, где тебя ждут. Даже если ты ещё не приехал.

— Ну, значит, решено, — сказал Василий. — Завтра начну оформлять документы. Купим тебе гектаров... сколько скажешь.

Иван задумался. Потом сказал:

— Ну... давай для начала гектаров сто. Не больше. А то я в них заблужусь. У меня даже на шести сотках не всё прополото. А тут — сто. Это же сколько картошки можно посадить! С ума сойти. — Он помолчал. — Хотя, подожди. А если сто гектаров купить — это сколько денег уйдёт?

Василий посмотрел в телефон:

— Гектар на Дальнем Востоке стоит примерно пятьдесят тысяч рублей. Значит, сто гектаров — это пять миллионов.

Иван разочарованно махнул рукой:

— Пять миллионов? Это же капля в море. Из пяти миллиардов — пять миллионов — это как из пруда ведро воды вычерпать. Пруд даже не заметит. Нет, Вась. Надо что-то серьёзнее.

— Сколько серьёзнее? — осторожно спросил Василий.

— Ну... — Иван почесал затылок. — Давай гектаров десять тысяч. Или двадцать. Чтобы прям — приехал и не видел края. Чтобы заблудиться можно было. Вот это — покупка. А сто гектаров — это для соседа Петровича. Пусть он себе покупает. У него и денег-то нет. Но размечтаться можно.

Василий чуть не поперхнулся:

— Десять тысяч гектаров?! Иван, это же... это же огромная территория! Это почти город! Или даже два города!

— Ну и хорошо, — кивнул Иван. — Будет у меня свой город. Назову его... Мухосранск-2. Или Нью-Мухосранск. Мы с тобой там дорогу построим, школу, клуб. Опять. А то я привык

уже — строить. У меня вон рука набита. За полгода три объекта сдал. А тут — целый город. Развернусь.

Василий посмотрел на Ивана и понял: спорить бесполезно. Когда Иван что-то решал — он решал. И переубедить его было невозможно. Как переубедить лошадь, которая решила идти на водопой именно через этот луг, а не через соседний.

— Ладно, — сказал Василий. — Десять тысяч гектаров. Куплю тебе десять тысяч гектаров на Дальнем Востоке. Будет у тебя свой Нью-Мухосранск.

Иван довольно кивнул:

— Вот и хорошо. А то мне уже надоело, что деньги просто так лежат. Пусть хоть земля будет. Я на неё буду смотреть — и радоваться. Может, даже поеду туда. Посмотрю. Если медведи не съедят — так и останусь. А если съедят — так хоть денег не жалко будет. Я их уже столько потратил — а они всё не кончаются. Может, медведь хоть разберётся.

ГЛАВА 2. Покупка

Оформление заняло три дня. Василий приезжал каждое утро с папками, ноутбуком и озабоченным лицом. Иван в это время поливал огурцы, кормил Кузю и делал вид, что всё происходящее его не касается. Но Василий не давал расслабиться:

— Иван, подпиши здесь. И здесь. И вот тут — ещё раз. И вот тут — три подписи, потому что это — особые условия.

Иван подписывал, не глядя. Он вообще редко смотрел на документы. Если что-то шло не так — Василий бы сказал. А Василий молчал. Значит, всё было нормально.

На третий день Василий приехал с торжественным видом и сказал:

— Всё. Готово. Ты — владелец десяти тысяч гектаров в Сихотэ-Алиньском районе. Поздравляю.

Иван взял документы, посмотрел на них. Красивая бумага, гербовая, с голограммами. Написано что-то много и непонятно. Но главное он увидел — цифру: 10 000 гектаров.

— Ну вот, — довольно сказал он. — Хоть что-то ушло. Деньги списались?

— Списались, — кивнул Василий. — Почти пятьсот миллионов рублей.

Иван присвистнул:

— Полмиллиарда! Вот это — покупка! Теперь у меня денег должно поубавиться. А то они всё росли и росли. Как на дрожжах. Я уже думал — может, у них инкубационный период какой? Или они размножаются делением? Как амёбы. В школе учили — амёба делится на две. Может, и деньги так же? Разделился — и стало больше. Только у амёб это природа. А у денег — что? Я не понимаю.

Василий улыбнулся. Он уже привык к этим философским рассуждениям Ивана. И, честно говоря, они ему даже нравились. В них была какая-то простая, народная мудрость.

— Ну что, — сказал Иван. — Теперь мужикам скажу. Пусть знают. У меня теперь — земля на Дальнем Востоке. Сихотэ... — Он запнулся, посмотрел в документы и попробовал снова: — Сих-те-а... Сихотэ... Алинь... Вот же названия! У нас вон — Мухосранск, и всё понятно. Красиво даже. Мухосранск — слышишь — и сразу ясно: тут мухи, тут срано. А тут — Сихотэ-Алинь. Язык сломаешь, пока выговоришь.

Он попробовал ещё раз:

— Сихотэ-Алиньский район. Алинь — это кто? Может, это фамилия? Или имя? У нас вот есть Алинька — дочка тёти Зины. Так она — Алина. А тут — Алинь. Может, назвали в честь неё? Но она ж ещё молодая. Ей двадцать лет. Навряд ли. Она в школе училась, когда это всё называли. Небось, старше название. Намного старше.

Вечером Иван сидел на крыльце и перечитывал документы. Он не понимал и половины написанного, но читать ему нравилось. Там было что-то про «границы участка», про «кадастровый номер», про «категорию земель». Иван кивал и бормотал:

— Ага. Границы. Это хорошо. У нас у Петровича тоже границы — с Зиной. Она говорит: «Ты не переступай мои границы!» А он не понимает, где они. Так и живут.

Шарик лежал рядом и слушал. Ему было всё равно, что там в бумагах. Главное — хозяин рядом. А бумаги — они бумаги. Их не понюхаешь, не погрызёшь.

Телефон зазвонил неожиданно. Иван вздрогнул и чуть не уронил документы. Он не любил звонки — особенно за последние месяцы. Каждый звонок означал: кто-то что-то хочет. Денег. Совета. Внимания.

Он посмотрел на экран: номер незнакомый. Сначала хотел сбросить. Но что-то его остановило. Он ответил:

— Алло?

— Иван Петрович? — раздался вежливый мужской голос. — Здравствуйте. Я — представитель геологоразведочной компании «Дальневосточные недра». Поздравляю вас с приобретением участка в Сихотэ-Алиньском районе!

Иван нахмурился:

— Спасибо. А вы чего звоните? Я уже купил. Всё оплатил. Что-то ещё надо? Кадастровый номер? Он у меня есть. Вот, в бумаге написан. Жёлтым маркером выделил, чтобы не потерять.

— Нет-нет, — засмеялся геолог. — Ничего не надо. Мы просто хотим сообщить вам радостную новость. По результатам геологоразведки, проведённой на вашем участке, там обнаружены значительные запасы природного газа.

Иван замолчал. Он посмотрел на трубку, потом на Шарика, потом снова на трубку:

— Чего?

— Газа! Природного! — радостно повторил геолог. — Извините, а вы не знали? Мы думали, вы приобрели участок именно поэтому.

Иван сел на лавку. Он чувствовал, как земля уходит из-под ног. В прямом и переносном смысле:

— А он что, там из земли выходит? Как... Ну, как в деревне из трубы? Вот это газ? Или как? Я в этом не разбираюсь.

Геолог терпеливо объяснил:

— Иван Петрович, у вас на участке — стратегическое месторождение природного газа. Мы провели предварительную оценку: запасы — на триллион кубометров. Это — одно из крупнейших месторождений в стране. Кроме того, на соседних участках обнаружены следы нефти. И золота. И, возможно, алмазов. Мы ещё не закончили разведку.

У Ивана отвисла челюсть. Он молчал несколько секунд, переваривая информацию. Потом медленно произнёс:

— Шарик. Ты слышал? У меня теперь не просто земля. У меня земля с подарками. Прямо как те яйца с сюрпризом, которые в магазине продают. Разбиваешь — а там машинка или наклейка. А тут — газ. Нефть. Золото. Может, ещё и алмазы. Как в сказке. Только я сказки не просил.

Он снова обратился к геологу:

— Слушай, сынок. А может, вы это... обратно заберите? Ну, газ этот. Мне он не нужен. У меня печка — дровами топлю. Хворост в лесу собираю. А газ — он же опасный. Взорвётся — и всё, нет Мухосранска-2. Только дымится.

Геолог засмеялся:

— Иван Петрович, это невозможно. Газ — в земле. Он сам по себе не взорвётся. Но вы теперь — владелец стратегического месторождения. К вам будут обращаться крупные компании. Они захотят купить у вас права на разработку. Или заключить договор аренды. Это — огромные деньги.

Иван тоскливо посмотрел на телефон:

— Опять деньги. А я их только что потратил — полмиллиарда. И думал — теперь свободен. А они ко мне возвращаются. Как этот кот, которого я выгнал, а он всё равно приходил. Только тот кот хоть мышей ловил. А эти деньги — они ничего не ловят. Только голову морочат. — Он вздохнул. — Ладно. И что мне теперь делать?

— Ничего, — ответил геолог. — Пока ничего. Мы подготовим детальный отчёт и пришлём вам. А вы пока можете наслаждаться своей землёй. Она теперь — не просто земля. Она — источник богатства.

Иван попрощался и положил трубку. Он сидел на крыльце и смотрел в одну точку. Шарик подошёл и ткнулся носом в его колено.

— Шарик, — сказал Иван. — Вот я дурак. Я думал — куплю землю, и деньги уйдут. А они — вон как. Оказывается, я купил не землю. Я купил дыру в земле, из которой теперь ползет

газ. И нефть. И золото. И это будет приносить ещё больше денег. Это какой-то замкнутый круг. Как будто я в казино играю и не могу проиграть. Сколько ни ставь — всё выигрываешь. А я хочу просто выйти из игры. Но меня не выпускают.

Кузя подошла к крыльцу и посмотрела на хозяина. Она не понимала, почему он такой расстроенный. У него есть двор, есть она, Кузя, есть Шарик. Чего ещё надо? Курица не понимала, что такое «газ» и «месторождение». Для неё главное — зерно. А зерно — оно в земле. И в земле на Дальнем Востоке — тоже зерно будет. Если посадить.

Иван посмотрел на Кузю и улыбнулся:

— Кузя, а ты у нас — умная. Тебе не надо ничего, кроме зерна и червяков. А я вот — миллиардер. И мне — хуже всех. Потому что миллиардер — это не человек. Это ходячий банкомат. Всё время пищит, всё время выдаёт деньги. И не может остановиться.

Кузя задумчиво наклонила голову, потом клюнула что-то в земле и ушла. У неё были свои дела. А Иван остался сидеть на крыльце. В руках у него была бумага, подтверждавшая владение десятью тысячами гектаров с газом, нефтью и, возможно, алмазами. Он посмотрел на эту бумагу и вздохнул:

— Ну вот. Купил. Теперь — что делать с этим счастьем? Может, всё-таки съездить — посмотреть, что они там мне продали. Газ, говорят. Понюхать бы хоть. Правда, газ нюхать нельзя — говорят, воняет. Или это они специально добавляют, чтобы воняло? Чтобы люди знали, что газ идёт. А если без добавки — он не пахнет. Так и не поймёшь, где он. Наверное, как воздух. Только жётся.

Шарик зевнул и улёгся рядом. Хозяин говорил что-то непонятное, но — главное — он был спокоен. А если хозяин спокоен — то и Шарiku хорошо. Он закрыл глаза и задремал. Иван погладил его:

— Ладно, пёс. Разберёмся. Как-нибудь разберёмся. Я же — русский мужик. Мы из всего выход найдём. Даже из триллиона кубометров газа. Придумаем что-нибудь. Не впервой.

ГЛАВА 3. Звонок

Иван проснулся от того, что телефон вибрировал на тумбочке, как бешеный. Он поднял голову с подушки, посмотрел на экран: семь пропущенных. Семь! За одну ночь. И все — с незнакомых номеров. Первый — с кодом 495 (Москва). Второй — тоже. Третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой — все с московскими кодами.

— Твою ж дивизию, — пробормотал Иван. — Кому это я ночью понадобился? У нас в деревне все спят до six утра. А в Москве, наверное, уже не спят. Дела у них там. Государственные.

Он сел на кровати и почесал затылок. Шарик, который спал у двери, поднял голову. Кузя уже кудахтала на улице — она вставала рано, вместе с солнцем.

Телефон зазвонил снова. Иван вздохнул и ответил:

— Алло.

— Иван Петрович? — раздался строгий официальный голос. — Министерство природных ресурсов Российской Федерации. Говорит советник министра, Семён Борисович.

— Здравствуйте, Семён Борисович, — сонно сказал Иван. — А чего так рано? У нас тут ещё даже петухи толком не разорались.

— Иван Петрович, — голос советника был напряжённым. — Вы понимаете, чем вы владеете?

Иван зевнул:

— Землёй. Десять тысяч гектаров. Хотел картошку посадить. А она вон — с газом. Я вчера узнал. Геологи звонили. Говорят — газ, нефть, золото. Может, ещё и алмазы. Смешно. Я думал — пустырь купил. А оно вон как вышло. Как с той лотереей, помните? Я тогда ещё выиграл миллиард. А хотел просто сто рублей на билет потратить и забыть.

Советник замолчал. Потом продолжил, но уже более жёстко:

— Иван Петрович, это не шутки. Это стратегический объект государственного значения. Вы не можете просто так... посадить картошку!

Иван удивился:

— А что, картошка на газу растёт лучше? Ну... я не пробовал. У нас в Мухосранске на навозе растёт. Дед мой так сажал. И отец. И я теперь. Навоз — он надёжный. А газ — он же не удобрение. Он — топливо. Его жечь надо. А картошку жечь — это не дело. Она для еды.

Советник начал нервничать. Трубка затрещала. Где-то на фоне слышались другие голоса:

— Иван Петрович! Послушайте меня! Вам нужно срочно прилететь в Москву! Сегодня же! Мы должны обсудить судьбу этого участка!

Иван почесал затылок. Посмотрел на Кузю, которая заглядывала в окно. Потом на Шарика, который уже лёг у двери и смотрел на хозяина с вопросом в глазах. Потом сказал:

— А можно я не полечу? У меня Кузя несёт хорошо. Мне бы её не бросать. Она привыкла, что я рядом. Если уеду — она переживать будет. Не ест. Кудахчет. Соседи жаловаться будут.

В трубке послышался приглушённый крик. Видимо, советник разговаривал с кем-то ещё, не прикрыв трубку рукой:

— Он отказывается лететь! Говорит — курица!

Потом снова в трубку:

— Иван Петрович! — уже кричали. — Это вопрос государственной важности! Вы не можете отказаться. Мы вышлем за вами самолёт. Правительственный борт. Прямо в вашу деревню?

Иван задумался:

— А у нас в деревне есть где посадить самолёт? У нас поле есть. Я туда картошку сажал лет пять назад. Но потом земля устала. Я её отдыхать оставил. Сейчас там трава — по пояс.

Если ваш самолёт не боится травы — пусть садится. Только аккуратно. А то там кроты норы нарыли. Не хотелось бы, чтобы самолёт в кротовую нору попал. Он же тогда перевернётся. Я в новостях видел — самолёты иногда переворачиваются. Страшно.

Советник, видимо, уронил трубку. Иван слышал, как он что-то кричал своим сотрудникам. Потом трубку подняли. Новый голос — более спокойный:

— Иван Петрович? Это помощник министра. Мы организуем вылет. Вы — пассажир правительственного борта. Вам ничего не нужно делать. Только собраться и ждать. Мы пришлём машину.

Иван вздохнул и посмотрел на Кузю:

— Ну, раз государственной важности... — Он почесал затылок. — Ладно. Схожу в сельмаг, предупрежу, что отъеду. Только Кузю с собой возьму. Она одна не останется.

В трубке послышалось:

— Курицу? С собой? В Москву?

Иван удивился:

— А что? Кузя — она спокойная. Она не кусается. Она и в машине ездила — когда я её к ветеринару возил. Правда, она на сиденье нагадила. Но это потому что ветеринар ей укол сделал. Она испугалась. А так — она хорошая. Вы не бойтесь. Я её в пакет посажу. С дырками. Чтобы дышала.

На том конце провода воцарилась тишина. Иван подождал секунд десять. Потом спросил:

— Аллю? Вы там уснули? Или я помеху поймал?

— Мы здесь, — ответили ему. — Мы... организуем всё. Ждите машину. И... возьмите курицу. Хорошо.

Иван положил трубку и посмотрел на Шарика:

— Ну вот, Шарик. Собирайся. Летим в Москву. Кузя — летит. А ты — сторожи двор. Чтобы никто не залез. Особенно эти... журналисты. Или инвесторы. Или кто там ещё. В общем — никого не пускай. Только Петровича. Пусть за огурцами смотрит. А то я без него не знаю, когда поливать. У меня график. Я его на холодильнике написал. Петрович — он грамотный. Прочитает.

Шарик вильнул хвостом. Он не понимал, куда собирается хозяин, но чувствовал важность момента. Он сел у порога и приготовился сторожить. К Кузе подошёл и гавкнул: мол, хозяин уезжает — ты с ним. Смотри там. Не подведи.

Кузя посмотрела на Шарика с презрением. Она и сама знала, что не подведёт. Она была курица опытная. Хотя и молодая. Но характер — боевой. Она уже видела Москву в телевизоре. И была готова к любым неожиданностям. А если кто-то тронет хозяина — она клюнет. Болезненно. Она умела.

ГЛАВА 4. Сборы

Сборы заняли полтора часа. Иван подошёл к этому делу основательно, как к посадке картофеля. Сначала он вышел на крыльцо и оглядел свой двор. Потом зашёл обратно. Потом снова вышел. Потом сел на лавку и задумался.

— Шарик, — сказал он. — А что берут с собой в Москву? Я там не был никогда. Ну, то есть был — когда в армии служил. Но это было давно. Тогда Москва была другая. Проще. А теперь — вон, говорят, там всё по-другому. Метро — красивое, но запутанное. Люди — быстрые. И все куда-то бегут. Как будто за ними кто-то гонится.

Шарик вильнул хвостом. Он не знал, что берут в Москву. Он вообще не знал, что такое Москва. Для него мир заканчивался за околицей — там начинались поля, лес и иногда чужой пёс, который лаял на него через забор.

Иван зашёл в дом и начал собирать вещи. Он достал старый чемодан — тот самый, с которым ездил в санаторий десять лет назад. Открыл его, понюхал. Пахло нафталином и детством.

В чемодан он положил:

— Телогрейку. Она хоть старая, но тёплая. В Москве, говорят, холодно. Особенно в этих их кабинетах. Кондиционеры — жуть. Я как-то в сельмаге видел кондиционер. Он дяде Коле на голову капал. Дядя Коля сказал, что это он плачет. А оказалось — просто вода течёт. Москвичи, наверное, к такому привыкли.

Он положил телогрейку.

— Резиновые сапоги. Вдруг дождь будет. А в Москве, говорят, асфальт мокрый бывает. Скользкий. А я в сапогах — мне нипочём. У меня протектор хороший. Не подскользнусь. А если и подскользнусь — так сапоги мягкие. Не ударюсь сильно.

Сапоги поехали следом.

— Банку солёных огурцов. А то в Москве, говорят, еда... не та. Всё какое-то... ресторанное. Маленькие порции, красивые тарелки, а есть нечего. А у меня огурцы — свои, с огорода. Посоленные по дедовскому рецепту. С укропом и смородиновым листом. Съешь — и душа радуется. Москвичи такого не едали. Будут завидовать. Я им дам попробовать. Пусть знают, что такое настоящая еда.

Банка огурцов — в чемодан.

Потом Иван задумался. Потом взял клетку — ту самую, в которой возил куриц на базар. Поставил в углу комнаты:

— Шарик, ты поедешь в клетке. Не обижайся. Это для твоей же безопасности. А то в поезде всякие люди ходят. Кто-то может наступить. Или украсть. А ты у меня — породистый. Наверное. Хотя мы не знаем, от кого ты. Ты у нас — дворянин. В хорошем смысле. Но всё равно — в клетке надёжнее.

Шарик посмотрел на клетку с подозрением. Он помнил эту клетку. В ней его однажды возили к ветеринару. И там ему сделали укол. После этого он не любил клетки. Но Иван объяснил — и Шарик согласился. Если хозяин говорит — значит, надо.

Иван взял Кузю и засунул её за пазуху — в специальный карман, который сшила тётя Зина. Кузя сначала возмущалась, кудахтала, дрыгала лапами. Но потом успокоилась — место было тёплое, уютное. И пахло хозяином. А это — самый лучший запах на свете.

— Вязанку сушёных грибов. Для министра. Пусть попробует. Грибы у нас — белые. Самые лучшие. Я их в прошлом году собирал. Вон за тем лесом. Там поляна — я вам говорю. Грибов — тьма. Я набрал полкорзины за час. А потом ещё корзину. И ещё ведро. В общем, грибов было много. Я их высушил, нанизал на нитку. Теперь вот — везу в Москву. Пусть

попробуют. Может, они там грибов настоящих не видели. Все больше шампиньоны покупают. А шампиньоны — это не грибы. Это так, шарики.

Грибы Иван положил не в чемодан, а в отдельный пакет — в руки взял. Они были дороги ему как память о лесе.

Он уже закрывал чемодан, когда в дверь постучали. На пороге стояла Наталья — заведующая сельским клубом. Она была женщина энергичная, с короткой стрижкой и всегда озабоченным выражением лица. Когда открыли клуб, она стала душой компании — организовывала вечера, концерты, дискотеки для молодёжи.

— Иван Петрович, — сказала она. — Я слышала, вы в Москву уезжаете.

— Да вот, — Иван кивнул. — Зовут. Говорят, государственная важность. Что-то там с моей землёй. Я и не думал, что земля — это так важно. Для меня земля — она для картошки. А для них — стратегический объект. Смешно.

Наталья покачала головой:

— Иван Петрович, вы там осторожнее. Мы без вас тут... трудно будет. Если что — звоните. Мы поддержим. И огурцы будем поливать. И Кузю вашу... Хотя вы Кузю берёте. И Шарика берёте. Ну тогда... просто поливать будем. И присматривать за домом.

Иван улыбнулся:

— Спасибо, Наташ. Ты — хорошая. Клуб — он теперь твой. Ты там — хозяйка. Смотри, чтобы танцы были. Чтобы молодёжь не скучала. И чтобы дядя Гриша на аккордеоне играл. А то он всё грозит бросить — говорит, пальцы болят. Но ты ему передай: если бросит — я ему новые пальцы куплю. Искусственные. Будут играть лучше прежних.

Наталья засмеялась. Обняла Ивана — осторожно, чтобы не придавить Кузю — и убежала по делам. А Иван закрыл чемодан, взял клетку с Шариком, пакет с грибами, банку огурцов и вышел на улицу.

У сельмага уже собрались мужики. Провожали как в последний путь. Дядя Коля стоял впереди — самый главный.

— Вань, — сказал он торжественно. — Ты там это... не растеряйся. В Москве волки.

Иван удивился:

— Какие волки? Ты что? Там же город. Волков там нет. Я в армии был под Москвой — мы в самоволку ходили. Ни одного волка не видели. Лисы были. Но волков — нет.

— Я в переносном смысле, — объяснил дядя Коля. — Люди там... того. Хитрые. Они тебя вокруг пальца обведут — и не заметишь. Они на этом деле собаку съели.

Иван махнул рукой:

— А, люди. Ну, люди — они везде люди. У нас вон тётя Зина тоже хитрее всех. Она меня тридцать лет вокруг пальца обводит. Я её знаю — как облупленную. И ничего, живой. Даже не поцарапанный. А Москва — она не страшнее тётки Зины. Там хоть люди вежливые. «Здравствуйте» говорят. А Зина мне «здравствуйте» не говорит. Она сразу — «Иван, ты опять мой забор задел, когда на тракторе ехал!». Вот такие дела.

Мужики засмеялись. Петрович подошёл и пожал Ивану руку:

— Ты это... Если что — звони. Я за огородом посмотрю. За домом. За Шариком — хотя ты его берёшь. За Кузей — хотя и её берёшь. Ну, за всем посмотрю. В общем, не переживай. Я — мужик надёжный.

— Знаю, — кивнул Иван. — Ты у нас — скала. Как тот камень, что у реки лежит. Его уже лет сто не сдвинуть. Все попы пытались. Не смогли.

Петрович засмеялся. Обнял Ивана — и тут из-за пазухи высунулась Кузя:

— Ко-ко-ко?

— Всё нормально, Кузя, — сказал Иван. — Это Петрович. Свой. Не бойся.

Кузя посмотрела на Петровича с подозрением, но замолчала. Она решила, что раз хозяин не боится — то и ей не надо.

Подъехала машина — не простая, а чёрная, с тонированными стёклами. Из неё вышел водитель в костюме:

— Иван Петрович? Я за вами. Садитесь. Поехали в аэропорт.

Иван посмотрел на машину. Потом на мужиков. Потом на свою тележку — в которой лежали чемодан, клетка и пакет с грибами.

— А это всё с собой? — спросил он водителя.

Водитель посмотрел на багаж. Потом на Ивана. Потом снова на багаж:

— А... курица у вас — за пазухой?

— Курица, — кивнул Иван. — И пёс в клетке. И огурцы. И грибы. И телогрейка с сапогами. А что? В правительственном самолёте багажа много не дают? Я думал, там — просторно. Как в автобусе, только летает.

Водитель вздохнул и начал загружать вещи в багажник. Он был профессионалом. Он видел многое. Но курицу за пазухой у пассажира правительственного борта — видел впервые.

Иван попрощался с мужиками, сел в машину и помахал рукой в окно. Мухосранск уплывал назад. Сельмаг, лавочка, Петрович, дядя Коля, Наталья на крыльце клуба. Всё становилось меньше и меньше.

— Ну вот, Кузя, — сказал Иван, поглаживая её через ткань. — Едем в Москву. Будешь столичную курицей. Заведешь знакомства. Может, даже с каким-нибудь генеральским петухом познакомишься. Только ты не задирай нос. Мы — люди простые. Деревенские. А они — столичные. Они важные. Но мы тоже не лыком шиты. У нас вон огурцы какие! Они таких не видели.

Кузя удовлетворённо кудахтнула. Она была согласна с хозяином. Огурцы у них — лучшие. А она — лучшая курица. Так что Москва — держись. Едут свои.

ГЛАВА 5. Поезд

Поезд оказался не таким, как Иван представлял. Он думал — будет как в армии: тесно, душно, все друг другу мешают. А тут — чисто, аккуратно, даже полотенца дают. Проводница — женщина лет сорока, в синей форме — посмотрела на Ивана, на клетку с Шариком, на Кузю, которая высовывалась из-за пазухи, и спросила:

— А это всё с вами?

— Со мной, — кивнул Иван. — Пёс — это Шарик. Он добрый. Не кусается. Почти не кусается. Ну, один раз укусил — так это почтальона. Но почтальон сам виноват — он газету в щель запихивал, а Шарик думал, что это вор. И Кузя — курица. Она вообще не кусается. Она клюётся. Но только если её обидеть. А я её не обижаю. Она — моя подруга.

Проводница вздохнула и махнула рукой:

— Проходите. Только чтобы тихо. А то у нас начальник поезда строгий.

Иван прошёл в вагон. Плацкарт. Ряды полков, люди, запах чая и дороги. Он нашёл своё место — нижняя полка у окна. Поставил чемодан, клетку с Шариком поставил рядом, сел и с наслаждением вытянул ноги.

— Красота, — сказал он. — Колёса стучат. За окном — лес. Чай дают. Что ещё надо для счастья?

Рядом сидела бабушка — лет семидесяти, сморщенная, как печёное яблоко. На коленях у неё лежал рыжий кот — толстый, ленивый, с мордой, выражающей глубочайшее презрение ко всему окружающему. Бабушка посмотрела на Ивана, на Кузю, на клетку с Шариком и перекрестилась:

— Господи, спаси и сохрани. Что это у вас? Курица?

— Курица, — кивнул Иван. — Кузя. Вообще-то она курица несушка. Яйца несёт. Хорошие такие яйца, крупные. Желток — прямо оранжевый. Потому что я её зерном кормлю. А не чем попало. Она у меня — как член семьи. Вот, в Москву едет. Знакомиться с министрами.

Бабушка перекрестилась ещё раз:

— Святой человек. Везёт курицу к министрам. А я вот кота везу к внучке. Внучка в Москве живёт. Замуж вышла. А кота оставить не с кем было. Вот и везу.

Иван посмотрел на кота. Кот посмотрел на Ивана. Взгляды встретились. Кот отвернулся первым — видимо, решил, что Иван не достоин его внимания.

Напротив сидел студент — молодой человек с гитарой. Он настраивал струны и напевал что-то из Высоцкого. Иван прислушался:

— Ой, а я в армии под Высоцкого засыпал. Хорошо пел человек. Хоть и хрипел. Но зато душевно. У нас в роте его все знали. Даже сержант любил. А сержант у нас был зверь — никого не любил. А Высоцкого любил. Все удивлялись.

Студент оживился:

— Вы любите Высоцкого? А я вот тоже! Сам играю. Хотите, спою?

Иван пожал плечами:

— Петь — это хорошо. Но сначала — чай. Чай с пряниками. У меня пряники есть. С повидлом. Тётя Нюра пекла. Она у нас — мастерица. Лучше любого московского кондитера. Вот попробуйте — скажете спасибо.

Иван достал из пакета пряники, разложил на столике. Разлил чай — проводница уже принесла стаканы с подстаканниками. Студент взял пряник, откусил и зажмурился:

— Господи, какой вкусный! Как у бабушки в деревне.

— Ага, — кивнул Иван. — У тёти Нюры — бабушки. Она для всей деревни печёт. У неё руки золотые. Она и хлеб печёт, и пироги, и пряники. Вообще — всё. Она даже однажды испекла каравай на свадьбу — так все плакали. Потому что красиво было. И вкусно.

Командированный — мужчина лет сорока пяти, с газетой и очками — посмотрел на Ивана поверх газеты:

— Вы из Мухосранска? А я слышал про ваш Мухосранск. В новостях рассказывали. Там дорогу отремонтировали, школу, клуб открыли. Кто-то из местных миллиардеров вложился. Прямо как вы говорите.

— Ну, если вы про меня — то да. — Иван пожал плечами. — Дорога — это я. Школа — это я. Клуб — это я. А миллиардер — так получилось. Я не хотел. Они сами как-то пришли. Деньги эти. Я в лотерею билет купил — и выиграл. Потом в контору вложил — и выиграл. Потом землю купил — а она с газом оказалась. Вот так и живём.

Студент перестал жевать и уставился на Ивана:

— Вы — тот самый Иван? Из Мухосранска? Который в «Рога и копыта» вложил пять миллиардов?

Иван поправил:

— Я вложил не пять миллиардов. Я вложил пятьсот миллионов. А пять миллиардов — это они уже сами выросли. Я не знаю как. Наверное, там всё это время что-то росло. А я не следил. Я вообще не слежу за деньгами. Они у меня как-то сами. Живут своей жизнью. А я — просто живу рядом.

В вагоне — плацкарт — наступила тишина. Все — бабушка с котом, студент с гитарой, командированный с газетой, и даже проводница, которая проходила мимо — остановились и смотрели на Ивана.

Из-за пазухи вылезла Кузя и обвела всех подозрительным взглядом. Она не понимала, почему все замолчали. Но чувствовала — что-то не так. Она кудахнула — и тишина стала ещё более напряжённой.

Бабушка перекрестилась:

— Святой человек. Господь его отметил. Он не для себя живёт. Он для людей. Дорогу сделал. Школу. Клуб. Храни его Господь.

Иван смутился:

— Да какой святой? Я вон огурцы солёные вёз. Хотите? — Он полез в чемодан, достал банку, открыл. — Вот. Свои. С укропом. И со смородиновым листом. Я их по дедовскому рецепту солю. Дед мой говорил: «Огурец любит, когда его руками закладывают. А не ложкой». Вот я и закладываю руками. Правда, неудобно. Но зато — по-честному.

Он протянул банку командированному. Тот взял огурец, хрустнул. Глаза его расширились:

— Боже... Это лучший огурец в моей жизни. Я объездил всю страну. Я ел огурцы в ресторанах. Но такого — никогда.

Иван кивнул:

— А то. Это потому что в ресторанах — всё для красоты делают. А у нас — для еды. Красота — она потом. Сначала — вкус. А если вкусно — то и красиво. Дед мой говорил: «Неважно, как огурец выглядит. Важно, как он на вкус». А он у меня красивый и вкусный. Потому что я его люблю. И он меня любит. Мы друг друга уважаем.

Кот бабушки — который до этого смотрел на всех с презрением — вдруг заинтересовался огурцом. Он спрыгнул с колен бабушки и подошёл к Ивану. Понюхал банку. Потом посмотрел на Ивана:

— Мяв.

— Видишь, — сказал Иван. — Даже кот понимает. Хочет огурчик. Вот, держи. — Он протянул коту огурец. Кот осторожно взял его зубами и ушёл под полку — есть в одиночестве. Бабушка всплеснула руками:

— Господи, мой Барсик никогда ничего у чужих не берёт! А у вас — взял! Это знак. Знак свыше.

Иван засмеялся:

— Или просто огурец хороший. Знаков мне и так хватает. У меня вон земля с газом. Что за знак? Что я теперь — газовый магнат? А я не хочу. Я хочу — огурцы. Огурцы — они понятные. Посадил — полил — собрал. А газ — он... не пойми что. Из земли идёт, а зачем — непонятно. Я лучше огурцами. Они хотя бы съедобные.

Поезд стучал колёсами. За окном проплывали поля, леса, деревни. Маленькие, похожие на Мухосранск. Иван смотрел в окно и думал о том, что где-то там, за этими полями, живут люди, которые не знают, что такое настоящие солёные огурцы. Они покупают в магазинах банки с маринованными — а это не то. Маринованные — они для бутербродов. А солёные — для души. Вот он и везёт с собой банку — чтобы показать Москве, что такое настоящий вкус.

ГЛАВА 6. Вертолёт

В Москве Ивана встретили так, как будто он был не пенсионером из Мухосранска, а как минимум космонавтом, вернувшимся с орбиты. На перроне стояли два чёрных автомобиля с мигалками. Вокруг — люди в тёмных костюмах с наушниками. Они выглядели так, как будто ждали не Ивана, а какого-нибудь президента маленькой, но гордой африканской страны.

Иван вышел из вагона с чемоданом в одной руке, клеткой с Шариком в другой и Кузей за пазухой. Посмотрел на встречающих и спросил:

— А вы кого ждёте? Я — Иван. Из Мухосранска. Может, вы кого-то другого ждёте? А я тут просто мимо проходил. Ехал в командировку. Вот, огурцы вёз.

Один из людей в костюмах — с очень серьёзным лицом — подошёл и сказал:

— Иван Петрович, мы за вами. Садитесь в машину. Нас ждут.

Иван пожал плечами:

— Ну, раз ждут... А чай? Чай хоть дадут? Я в поезде чай пил, но это было давно. Я уже опять хочу. У меня организм привык. Без чая я как-то... не очень. Особенно по утрам.

— В машине будет чай, — пообещал серьёзный человек. — И пряники. Мы знаем, что вы любите пряники.

Иван удивился:

— Откуда знаете? Вы что, следите за мной? Я же только приехал. А вы уже знаете, что я пряники люблю. Это что — слежка? Как в кино? За мной следят? А зачем? Я же не шпион. Я — огородник. Мне следить незачем. Меня самого если кто будет пастись — я огород свой отстою. У меня ружьё есть. Правда, не заряженное. Но пугаю. Петровича однажды напугал. Думал — вор. А это Петрович — за огурцами пришёл. Без спроса. Вот я его и напугал.

Серьёзный человек взял чемодан Ивана, клетку с Шариком и повёл его к машине. Иван шёл, вертел головой по сторонам и восхищался:

— Ого. У вас тут дома какие высокие. А у нас вон — одноэтажные. Зато свои. У нас крыша не течёт. А у этих — как они там живут? Наверное, лифты все время ломаются. Вот у нас в Мухосранске лифтов нет. Мы все на своих ногах. Зато ноги сильные. Я вон на третий этаж без лифта поднимаюсь — как огурец. Бодрый.

Его усадили в машину. Внутри было просторно, пахло кожей и дорогим парфюмом. Иван поёрзал на сиденье:

— Мягко. Как перина у тёти Нюры. Только у тёти Нюры — перина из пуха. А тут — из чего? Из кожи? А кожа-то чья? Наверное, коровья. Бедные коровы. Хотя, коровы — они для этого и живут. Чтобы людям на сиденья и на котлеты. У нас вон, в Мухосранске, у Петровича корова есть. Зоя. Она хорошая. Мы с ней дружим. Она меня знает. Когда я мимо прохожу — она мычит. Как здоровается. А если я ей хлебушка дам — она вообще радуется. Прыгает. Как собака. Только большая.

Машина поехала. Иван смотрел в окно и удивлялся московским улицам, высоткам, пробкам, людям, которые бежали по тротуарам — кто-то с кофе, кто-то с телефонами. Все торопились.

— И чего они бегут? — спросил Иван у серьёзного человека. — Они что, опаздывают? Или за ними кто-то гонится? У нас в Мухосранске никто не бежит. Только если за автобусом. А так — все ходят спокойно. Потому что торопиться некуда. Всё своё рядом. И магазин, и клуб, и сельмаг. Вот и ходим не спеша. Красота.

Через сорок минут машина остановилась у большого здания с колоннами. Иван присвистнул:

— Ну и дворец. А чего тут все в костюмах бегают? Как на бирже, что ли? У нас в Мухосранске так никто не бежит. Только если тётя Зина увидит, что Петрович у неё огурцы берёт

без спроса. Вот тогда она бежит. И кричит. А тут — вон, все в костюмах. Наверное, важные. Или боятся опоздать на обед.

Ивана провели по длинным коридорам — с мраморными полами, высокими потолками, картинами на стенах. Иван шёл и разглядывал картины:

— Это что, Ленин? А я думал, его уже убрали. А он всё висит. Красивый дядька. Лысый. Только задумчивый. Наверное, думал о чём-то важном. О революции, наверное. А я вот о чём думаю? О том, чтобы огурцы не пересолить. Вот у меня проблема. А у него — революция. У каждого своё.

Его привели в кабинет — просторный, с длинным столом, за которым сидели несколько серьёзных людей. Все — в костюмах, с галстуками, с озабоченными лицами. Иван вошёл, поздоровался со всеми за руку — со всеми по очереди — и сел на стул.

— Ну, рассказывайте, — сказал он. — Я вас слушаю. Только, если можно, покороче. А то у меня в поезде голова разболелась от ваших разговоров. Проводница вон говорила — в Москве все коротко говорят. Без воды. А у нас в Мухосранске — с водой. Потому что вода у нас хорошая. Из родника.

Седой человек — самый важный из всех — посмотрел на Ивана поверх очков:

— Иван Петрович, мы представляем комиссию по стратегическим ресурсам. Ваш участок на Дальнем Востоке — это вопрос национальной безопасности.

Иван кивнул:

— Ага. Понимаю. У меня вон тоже безопасность. Шарик во дворе. Он лает на чужих. Особенно на почтальона. Так что безопасность — это важно. А что я должен сделать? Скажете — сделаю. Я человек простой.

Чиновники переглянулись. Потом седой продолжил:

— Видите ли... Мы хотим выкупить у вас этот участок. Государство готово заплатить хорошую цену.

Иван оживился:

— Так забирайте! Я же не против! Только чтобы без денег. Или с деньгами — да не мне, а в Мухосранск, на школу. Или не надо. Заберите просто так. Мне и без него хорошо. У меня вон в Мухосранске — шесть соток. И то хватает. А десять тысяч гектаров — это ж сколько картошки сажать надо? Я не справлюсь. У меня руки одни. И спина. Вон, ноет уже. Петрович говорит — надо к врачу сходить. А я не хожу. Врачи — они что понимают? Они в огороде не копались. Они не знают, что такое настоящая спина.

Чиновники переглянулись ещё раз. Один из них — молодой, с папкой — тихо сказал седому:

— Он не понимает ценности.

Седой вздохнул и встал. Он подошёл к Ивану и сказал торжественно:

— Иван Петрович. Государство предлагает вам четырнадцать миллиардов рублей за этот участок.

Иван моргнул. Помолчал. Потом достал из-за пазухи Кузю, поставил её на стол, посмотрел на неё, потом на седого:

— Чего?

— Четырнадцать миллиардов рублей, — повторил седой. — Это очень большая сумма.

Иван вздохнул и почесал Кузю за ухом:

— Ну вот. Опять деньги. А я только-только от пяти избавился. Теперь ещё и эти. Четырнадцать миллиардов. Ну зачем мне столько? Я же всё равно огурцы солю, а не в банк складываю. Что мне с ними делать? Дорогу ещё раз отремонтировать? Я её уже отремонтировал. Школу? Отремонтировал. Клуб? Открыл. Мост через речку — вот что надо. А то мы на ту сторону только вброд ходим. А зимой — по льду. Страшно. Лёд трещит. А я старый. Не хочу утонуть. Лучше уж мост.

В этот момент дверь открылась, и вошёл человек в форме — с погонами, при галстукке, с очень серьёзным выражением лица. Он сказал:

— Вертушка готова. Вас ждут.

Иван посмотрел на него, потом на чиновников, потом снова на него:

— Куда это меня ждут? Я же только приехал. Дай-ка я хоть чаю попью. А то я с дороги. У меня организм требует. Я без чая — как трактор без топлива. Не завожусь. Хриплю и глохну.

Человек в форме сказал:

— Вас ждут на Дальнем Востоке. Президент уже летит туда. Он хочет лично осмотреть ваш участок.

Иван замер. Посмотрел на Кузю. Потом на Шарика в клетке. Потом на седого чиновника. Потом снова на человека в форме:

— Президент? Летит? Ко мне на участок? А зачем? Я же ещё там ничего не посадил. Там даже картошки нет. Там — газ. И нефть. И золото. Но картошки — нет. Что он там будет смотреть? Как газ из земли идёт? Так он его не увидит. Он же прозрачный. Наверное. Я не знаю. Я газ только в печке видел. Он там горит — синим огоньком. Красиво. А из земли он как выходит — я не видел. Наверное, как пар из бани. Только воняет. Или не воняет. Мне сказали — не воняет. А если не воняет — то как его найдёшь? Непонятно.

Он вздохнул и взял банку с огурцами:

— Ну, раз президент... Ладно. Поехали. Только я телогрейку надену — там, небось, холодно. На Дальнем Востоке, говорят, морозы. -40. А у меня телогрейка тёплая. Она меня в армии спасла. И теперь спасёт. Только я её в чемодан положил. Надо достать.

Он начал копаться в чемодане, доставая телогрейку. Кузя, которую он поставил на стол, забеспокоилась. Она не понимала, куда они едут. Но чувствовала — будет интересно. Иван для неё был компасом. Если он говорит «поехали» — значит, так надо. Она ему доверяла.

Шарик в клетке заскулил. Он тоже не понимал, что происходит. Но он видел: хозяин спокоен. А раз хозяин спокоен — то и он, Шарик, спокоен. Хотя очень хотелось выйти из клетки и обнюхать этот большой кабинет с мраморными полами. Но Иван сказал сидеть — значит, надо сидеть.

Иван натянул телогрейку поверх рубашки. Погладил Кузю. Потом посмотрел на седого чиновника:

— А вы со мной летите? Или вы тут останетесь? Если останетесь — передайте там, чтобы мне чай приготовили. К возвращению. С мятой. И с пряниками. Тётя Нюра мои пряники не передала — я свои вёз. Но я их съел в поезде. Так что теперь — нету. Надо будет в Москве купить. Хотя московские пряники — они не такие. У них повидло не то. Слишком сладкое. А у нас — в меру. Как тётя Нюра делает. Она знает пропорции.

Седой чиновник посмотрел на Ивана долгим взглядом. Потом сказал:

— Я лечу с вами. И... Иван Петрович... Вы — удивительный человек.

Иван улыбнулся:

— Да какой удивительный? Я обычный. Огурцы солю. Картошку сажаю. Курицу люблю. Вот и всё. А что вы удивляетесь? У нас в Мухосранске все такие. Простые. Надёжные. Как земля. Вот вы — важный. А я — простой. Но мы, простые, тоже кое-что понимаем. Мы понимаем, что главное — не деньги. Главное — чтобы огурцы хрустели. И чтобы Кузя несла яйца. И чтобы Шарик не скучал. А деньги... — Он махнул рукой. — Деньги — они как сорняки. Сами растут. Их не надо сажать. Они — сами.

Он засунул Кузю за пазуху, взял клетку с Шариком, банку с огурцами и пошёл к двери. Человек в форме пошёл впереди, показывая дорогу. Иван шёл и думал: «Надо будет президенту огурцов дать. Пусть попробует. Может, ему понравится. Хотя у него, наверное, свои огурцы есть. Кремлёвские. Но наши — лучше. Наши — с любовью солёные».

ГЛАВА 7. Полёт

Иван впервые в жизни летел на вертолёт. Он сидел у иллюминатора, прижимая к себе клетку с Шариком. Кузя, за пазухой, встревоженно кудахтала — гул винта ей не нравился. Она привыкла к тишине деревенского утра, а тут — тарахтит, дребезжит, трясёт.

Иван смотрел вниз и не верил своим глазам. Тайга простиралась до самого горизонта — бескрайняя, зелёная, с сопками и реками. Он никогда не видел таких просторов. У них в Мухосранске — поля, перелески, овраги. А тут — настоящая дикая природа. Медвежья. Нехоженная.

— Ишь ты, — сказал он. — Земли-то сколько! И всё — моя? Вон до того леса?

Геолог — молодой человек с бородкой и планшетом — поправил его:

— Вон до того хребта. Видите, вдали?

Иван прищурился. Вдали виднелись горы — синие, загадочные.

— А за хребтом что?

Геолог улыбнулся:

— За хребтом — тоже ваш участок. И за той рекой — тоже. И вон за тем болотом — тоже ваш.

Иван вздохнул и почесал затылок:

— Ну вот. Я же говорил — много. Тут не то что картошку сажать — тут заблудиться можно. Пока туда дойдёшь — помрёшь. Шарик вон тоже устанет. Ему бегать много нельзя. У него лапы слабые. Он у меня городской пёс. Ну, не совсем городской. Он из Мухосранска. Но он к таким просторам не привык. У нас вон — двор, огород. И всё. А тут — тайга. Страшно.

Шарик в клетке заскулил. Гул винта давил на уши. Он не понимал, почему хозяин сидит в этой железной коробке, которая трясётся и гудит. Ему хотелось на землю. На траву. Побегать за кошкой. Или хотя бы просто понюхать что-нибудь привычное.

Иван достал из банки огурец и начал жевать. Чиновники — которые сидели напротив — молча наблюдали за тем, как миллиардер грызёт солёный огурец на вертолёте. Никто из них не видел ничего подобного. Обычно на этом месте сидели серьёзные люди с портфелями и ноутбуками. А тут — мужик в телогрейке с банкой огурцов и курицей за пазухой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.